

Пятигорске кавалерийскую школу и одно из первых в стране красногвардейских соединений, носящих многообещающее имя вождя — Коммунистический полк имени В. И. Ленина. Дровяников назначается начальником его штаба. И все это время участвует в тяжелых, изматывающих боях — с бандами белоказаков, корниловцами, с высадившимся на Кубань десантом врангелевцев...

Многих боевых товарищей потерял он в сражениях. Сам Дровяников считал себя везучим. Еще бы, шесть раз был ранен, да так, что всякий раз оказывался на волоске от смерти, и все же он опять и опять перебарывал судьбу. Снова становился в строй. Случалось, попадал и в лапы врага. Его топили в ледяной реке. Били раскаленными шомполами. Сажали в застенки — камеру смертников. Но ничто не могло сломить дух революционера. В конце концов ему удалось бежать. Он становился подпольщиком. Собирал партизанский отряд. Переходя линию фронта, добровольцем вступал в Красную Армию. И снова в бой.

Героизм в те годы, как известно, для большевиков был нормой повседневной жизни. Но и у героев есть свои герои — за особые заслуги в гражданской войне Дровяников дважды награждался почетным оружием.

Война для него не кончилась и после того, как на Кубани окончательно победила Советская власть. Василий Евдокимович командует отрядом ЧОН (части особого назначения). Затем возглавляет окружное ЧК в Майкопе, работает уполномоченным по военным делам Кубано-Черноморской ЧК в Краснодаре, заместителем председателя Кубано-Черноморской рабоче-крестьянской инспекции... И на всех постах показал себя достойным солдатом партии, солдатом Октября. По словам Горького, он был одним из тех людей, которые и опытом своим, и, должно быть, природою приспособлены к тому, чтобы все делать хорошо. Два класса сельской школы и по тем временам вряд ли считались сносным образованием. Но Дровяников с юных лет любил читать. Собирали книги и знал в них толк. Позже стал слагать стихи и сочинять к ним музыку. Будучи уже в Италии, за короткое время выучил итальянский язык. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что не кто-нибудь, а именно он, вчерашний батрак и солдат-окопник с его двухклассным образованием, после Краснодаре посланный работать заместителем окрисполкома в Сочи, основал там газету «Красный Сочи» (ныне «Черноморская здравница») и стал ее первым редактором. Он же является и одним из авторов первой книги о становлении Советской власти на Кубани и Черноморье, вышедшей в Краснодаре в 1923 году.

А вскоре его отзывают в Москву, в распоряжение Центрального Комитета партии. Он становится ответственным сотрудником одного из главных и ведущих отделов ЦК — организационного.

Новое назначение, большое поле деятельности, масштабные задачи — все это как нельзя лучше соответствовало широте натуры, бойцовскому характеру и обществу темпераменту Василия Евдокимовича. Он работает увлеченно, истово, не жалея себя. Его ставят в пример другим, прочат блестящую карьеру. А он вдруг ни с того ни с сего подает заявление с просьбой об увольнении.

В стране шла культурная революция. Молодой республике требовались свои красивые артисты и красивые певцы. Именно в это время у бывшего красногвардейского запевалы специалисты обнаруживают редкостный многообещающий голос. И Василий Евдокимович для пользы революционного дела решает все начать сначала.

Успешно выдержав конкурс, вчерашний ответственный работник Центрального Комитета партии становится рядовым слушателем оперной студии Большого театра. Как же надо было любить революцию, верить в ее идеалы и в свою звезду, каковой обладать силой воли, чтобы решиться на такой шаг! Ведь Дровяников, помимо всего, был уже далеко не студенческого возраста — ему шел 36-й год. «Очень тяжело учиться взрослым и наверстывать впопыхах то золотое время, которое было упущено», — признавался он потом.

Но это не помешало ему через год учебы стать солистом оперы нашего главного театра. А спустя еще три года, после блестящей стажировки в Миланской королевской консерватории имени Джузеппе Верди, куда для завершения образования его направили по личному ходатайству А. В. Луначарского, триумфальные концерты Дровяникова в Италии, Франции, Германии стали едва ли не самой большой сенсацией в тогдашней культурной жизни Европы. Но если буржуазные ценители искусства восхищались вокальным талантом певца, то простым людям не меньше импонировала и его верность рабочему классу, идеалам Октября. «Дровяников нам дорог, и мы гордимся им не потому, что он «бывший» рабочий. Нет, он не только бывший, но настоящий и будущий. Он наш и не изменил нам», — отмечала одна из рабочих газет Германии. — Ни слава, ни деньги, которые ему неоднократно были предложены антрепренерами (хотя бы последний контракт в Америку на 25.000 долларов), не вскружили ему голову. При всей своей мировой известности он не стал никем другим, как рабочим, и, оставаясь бедным человеком, спешит возвратиться к себе в рабочее государство, чтобы отдать все свои силы и знания товарищам-рабочим и рабоче-крестьянскому правительству».

Творческая биография Дровяникова невелика — чуть больше десяти лет. Он слишком рано умер — по всей видимости, его здоровье было сильно подорвано еще в гражданскую войну, сказались ранения и другие лишения, невзгоды. И все же Василий Евдокимович успел оставить след в истории Большого театра. Он исполнял ответственные партии во многих операх — Слуги и Гудала в «Демоне», Лоренцо в «Ромео и Джульетте», Царя и Рамфиса в «Аиде», Варяжского гостя в «Садко», Дубровского в «Дубровском», Лесницкого в «Тихом Доне», Спарафучилло в «Риголетто», Гремлина в «Евгении Онегине», Кочубея в «Мазепе»... А ведь в те годы в Большом басовые партии пели такие корифеи, как А. Пирогов, М. Михайлов, М. Рейзен, А. Батурич. Соревноваться с ними было просто.

В отличие от некоторых других знаменитостей Василий Евдокимович много сил и времени отдавал общественной работе, «в особенности в первые годы, когда в театре парторганизация была малочисленная и вся работа в коллективе солистов оперы ложилась на плечи т. Дровяникова как первого артиста-партийца, пришедшего в театр» (цитирую заметку из

многотиражной газеты «Советский артист» Большого театра СССР от 25 октября 1940 года). Он был «простой, чуткий и отзывчивый человек, ровный в обращении со всеми, преданный и честный товарищ». Дровяников легко сходился с людьми. Быстро находил с ними общий язык. И становился своим везде — и в фешенебельных концертных залах Европы, и на вилле у знаменитого писателя, и в заводском цехе... «Приехал ко мне из Рима большой, крепкий человек с лицом, как будто вылепленным из металла, с умными зоркими глазами, — вспоминал о первой встрече с Дровяниковым М. Горький. — Никогда я не встречал его, ничего не слышал о нем, а он приехал и через час заставил почувствовать его близким и любимым родственником».

Подобных свидетельств много. Они разбросаны едва ли не по всем газетам 30-х годов — от центральных до периферийных. Дровяников часто выступал с выездными концертами. Тогда телевидение еще только зарождалось. В театры тоже далеко не все ходило, не говоря уже о Большом. Дровяников и его коллеги стремились донести высокое искусство, как говорится, от Москвы до самых до окраин. Маршруты его поездок пролегли аж до Таджикистана (там он еще снимался и в кинофильме). Рабочие больше всего любили его слушать не в концертном зале, а прямо в цехе. Вот и труженники тамбовского завода «Революционный труд», узнав о приезде в город «премьер-солиста» Большого театра, решили пригласить его с концертом в цех. Правда, кое-кто засомневался: согласится ли Дровяников? Тот согласился не раздумывая и в обеденный перерыв дал концерт. Он зажег аудиторию революционными песнями, рассказывала «Тамбовская правда». С первых минут стер грань между собой и зрительным залом. Рабочие зашли вместе с артистом «Смело мы в бой пойдем!», «Дубинушку», «Интернационал»... И не было в тот момент для них роднее и ближе человека, чем их любимый артист, собрат по классу.

Такие выступления Василий Евдокимович любил самозабвенно. Не жалел для них ни времени, ни сердечного тепла, ни, прямо скажем, голосовых связок. В доказательство сошлюсь еще на одну хроникальную заметку, напечатанную в одной из центральных газет осенью 1930 года. «В Москву из поездки по промышленным центрам и Донбассу возвратился артист Большого театра Василий Дровяников, давший непосредственно на заводах, фабриках и шахтах 82 бесплатных концерта, причем многие из них (например, кольчугинские) проходили как концерты-митинги», — говорилось в ней. В Кисловодске и Пятигорске В. Дровяников дал ряд концертов в связи с кампанией по всеобщему. В Москве он готовил ряд целевых концертов. Первый из них — на дирижабль «Правда».

Но как же случилось, что его имя сегодня большинством из нас забыто? Возможно, тому причиной Великая Отечественная война — Дровяников умер на седьмой день после ее начала, до последнего вздоха не расставаясь с мыслью встать в строй защитников Родины. Или дело в том, что при жизни его чудный голос слишком мало записывали? Но смогли же разыскать несколько патефонных пластинок с песнями в его исполнении юные земляки Дровяникова красные следопыты из Великолукского, их руководитель Н. Г. Швеиц и краевед из Георгиевска Г. Н. Подопригора. Здесь, вероятно, самое время сказать благодарствен-

ные слова всем этим людям, так много сделавшим для воскрешения страниц жизни и творчества В. Е. Дровяникова. Их стараниями разыскано и собрано немало интересных документов и других материалов и открыт сельский музей Дровяникова, его именем названа одна из улиц Великолукского. Много уникальных экспонатов, посвященных Василию Евдокимовичу, собрано и в Георгиевске, в музее революционной, боевой и трудовой славы арматурного завода имени В. И. Ленина.

Но не уйти и от вопроса: почему всего этого нет в музее самого Большого театра, экспозиции которого о Дровяникове вообще молчок? В фондах тоже мне смогли показать только тонюсенькую палочку газетных вырезок да плохоньких копий нескольких фотографий артиста в ролях исполняемых им персонажей. И совсем странным показалось утверждение директора музея В. Зарубина, что Дровяников их не интересует — политикой они не занимаются, а творческий вклад его, мол, слишком невелик.

Но ведь еще живы люди, которые работали с Василием Евдокимовичем и хорошо помнят его. Почему бы не поинтересоваться хотя бы их мнением на этот счет? Я встретился и разговаривал с Иваном Семеновичем Козловским, Марком Осиповичем Рейзеном, Евгенией Михайловной Славинской, Федором Логвиновичем Петровым и другими. Скажу прямо: единодушия в оценке Дровяникова не было. Но никто из них не говорил о нем равнодушно — настолько он в их памяти остался яркой, нестандартной личностью. Конечно, спустя десятилетия трудно отделить вих воспоминаниях действительные события от легенд, которых всегда было много вокруг Дровяникова. Он никогда и ни под кого не подлаживался, ни на кого не старался походить. Наоборот, всегда гордился своей принадлежностью к рабочему классу, партии, красному казачеству. Увлечшись, как-то раз на сцене во время спектакля по ходу оперы дал такие шпоры коню, что тот с испугу чуть не влетел вместе с ним в оркестровую яму.

И все же, думается, точнее всех о Дровяникове сказал в разговоре со мной Александр Васильевич Рыбаков, главный хормейстер Большого театра, в прошлом тоже рабочий человек: «Память о себе Василий Евдокимович оставил во всех смыслах очень и очень хорошую, теплую. Да, он резко выделялся среди всех остальных солистов и потому не все наши корифеи его принимали. Возможно, в традиционном понимании и большой сценической культуры ему не хватало. Но мы, молодежь, любили этого выдвигенца из народа со всеми его причудами. И считали, что таким и должен быть первый партиец среди артистов. Сама обществ.венная атмосфера тех лет требовала от нас «ориентироваться на свежий, не закостеневший в традициях молодец».

...Свою небольшую заметку о В. Дровяникове, опубликованную в «Известиях» 23 мая 1928 года, М. Горький озаглавил «Наш человек». Я не случайно позаимствовал это название и для своего рассказа о первом коммунисте в истории творческого коллектива Большого театра, потому что оно как нельзя точно передает суть его характера. Дровяников — один из тех удивительно талантливых самородков из самой гущи народных масс, которых Октябрь тысячами выдвинул на авансцену нашей жизни, истории, искусства.

Д. ГОРБУНЦОВ.

(Спец. корр. «Правды».)